

Становящаяся граница романтического экзистенциального движения топологически соединяет те места существования, где «мелос» и «логос» составляют до-дифференцированное смысловое единство. «Речевое» и «мелодическое» как конгломерат поэтических сил вводят телесные структуры в те смысловые области, которые в предшествующей философско-эстетической традиции объявлялись привилегированными в силу их способности трансцендировать любое содержание эмпирической реальности к идеальным единствам выражения этого содержания в искусстве, науке, философии (что само по себе являлось гарантией реалистичности этого содержания). Романтическая стратегия в свою очередь придает экзистенциальную ценность тому, что условно можно назвать «метафизическим интервалом» в бытии, нередуцируемым анти-событием, находящим в романтизме способ стать самостоятельной фигурой поэтического творчества.

¹ Современные зарубежные исследования по романтизму. М., 1976.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1988. С. 238.

³ Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 44–45.

⁴ Современные зарубежные исследования по романтизму. С. 89.

⁵ Подорога В. А. Метафизика ландшафта. М., 1993. С. 59.

⁶ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 189.

⁷ См.: Махов А. // Апокриф. Б. Г. № 1. С. 36.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ См.: Эстетика немецких романтиков. С. 51, 574; Бонавентура. Ночные бдения. М., 1990. С. 10.

¹⁰ Эстетика немецких романтиков. С. 364.

¹¹ Там же. С. 364.

А. И. БОБКО

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ СОВПАДЕНИЯ ЛОГИКИ И МЕТАФИЗИКИ У ГЕГЕЛЯ

Идейные искания человечества обрели в творчестве Гегеля целый ряд надежных, солидных мировоззренческих и методологических ориентиров. Один из самых важных среди них — гегелевская концепция философского знания как высшего типа духовности. Истоки духовной высоты философии мыслитель открыл в ее способности к постижению фундаментальных противоположностей — мышления и бытия, всеобщего и особенного, субъекта и объекта — в их глубоком, неразрывном единстве. Здесь заключена, по убеждению Гегеля, сокровеннейшая природа философского знания, отсюда проистекает его всесторонний, конкретный и целостный характер. Ключ к ответу мыслителя на вопрос, что есть философия, лежит, таким образом, в теоретическом освоении его диалектоспекулятивной методологии, в раскрытии глубокого смысла его трактовки абсолютного тождества противоположных начал. Потеряв эту путеводную нить, верно истолковать великие идеи ученого невозможно, о чем убедительно свидетельствует пример одного из интереснейших моментов его концепции философского знания — положения о совпадении логики и метафизики.

Становление творчества Гегеля происходило в переломное, революционное время, в ту удивительную эпоху, когда с колоссальной мощью проявился страстный порыв человечества к новому, свободному миру и оно решительно отвергло обветшавшие формы общественной жизни. Глубокое сознание неудовлетворительности прежних типов философствования, вскрытие присущих им и неразрешимых в их составе фундаментальных противоречий явило собой одно из ярчайших духовных знамений глубокого социального кризиса и одновременно одну из существеннейших предпосылок его разрешения. Вместе с тем оно положило начало чрезвычайно интенсивному философскому движению, которое можно смело назвать великой духовной революцией, создавшей мировоззренческие и методологические основы нового, освобожденного от средневековых пут общества. Среди выдающихся результатов этого процесса — снятие традиционного, обретшего силу предрассудка противопоставления метафизики и логики, видение философии как науки логико-метафизической по своему существу, нашедшее наиболее последовательное и глубокое выражение в творчестве Гегеля.

В своей трактовке совпадения метафизики и логики на уровне спекулятивного философствования Гегель опирался на глубокое постижение сокровеннейшей природы обоих типов знания, на всесторонне взвешенную и продуманную оценку их состояния в современную ему эпоху. То, что оценка носила прежде всего отрицательный, критический характер, общеизвестно. Однако от пристального взгляда великого философа не смогли укрыться и положительные стороны каждого из указанных теоретических направлений. Так, рассматривая прежнюю метафизику, он отмечает ее нацеленность на всеобщее, абсолютное, вечное. Ведь ее предметами были «тотальности, которые в себе и для себя принадлежат разуму, мышлению конкретного в себе всеобщего — душа, мир, бог»¹. Высокой гегелев-

ской оценки удостоивается и то, что свои категории выразители данной точки зрения воспринимают как реально значимые и рассматривают тем самым «определения мышления как основные определения вещей»². Поэтому философ находит по меньшей мере странной потерю народом своей метафизики, вследствие чего «дух, занимающийся своей чистой сущностью, уже не имеет в нем действительного существования»³.

Что касается формальной логики, то несомненное достижение этой науки состоит, по Гегелю, в том, что в ее рамках логические формы как таковые вычленины из эмпирического многообразия сознания и «сделаны предметом самостоятельного рассмотрения»⁴. Отсюда и его восхищенный отзыв о великих заслугах Аристотеля в естественноисторическом описании мышления⁵. Гегель убеждает также, что формальная логика имеет существенное значение как логика и методология всякой рассудочной деятельности. А поскольку сфера данной деятельности достаточно обширна (это сфера, где «наличные предметы познаются в их определенных различиях»⁶), то и формально-логические законы находят себе весьма широкое применение.

Итак, утверждение, что Гегель «третирует» формальную логику или начисто отвергает метафизическую традицию, не соответствует действительности. Мыслитель отрицает в них лишь то, что достойно отрицания: необоснованные претензии на универсальный статус. Необоснованность этих претензий проистекает, по его убеждению, из неадекватности базирующейся на разрыве противоположностей методологии, используемой в рамках обоих направлений, изучаемому предмету, в котором противоположное нераздельно. Отсюда — их безжизненная, застывшая односторонность, приведшая в итоге к роковым последствиям для каждого из них. Ведь именно здесь коренится неспособность как рассудочной метафизики, так и формальной логики воплотить в жизнь свою цель, свое непосредственное предназначение.

Для прежней метафизики, например, оказался принципиально недостижимым уровень всеобщего, абсолютного, вечного, уровни подлинных первых начал и причин, на который ее нацеливал еще Аристотель⁷. Ведь, отрывая всеобщее от особенного и относительного, она получала в результате абстрактную всеобщность, которая вследствие своей односторонности оставалась на деле лишь чем-то особенным. Совершенно недоступным оказалось для рассудочной метафизики и видение абсолютного как саморазвертывающейся тотальности, ибо, разрывая фундаментальные противоположности, она утратила глубинный источник такого развертывания. Единственное, что позволял ей в данном отношении ее скудный методологический арсенал, — это превращение абсолютного в мертвого, застывшего носителя внешних ему предикатов, изысканием которых она усердно занималась⁸.

Аналогичным образом, утверждает Гегель, обстоят дела и с формальной логикой, оказавшейся несостоятельной перед лицом разумного мышления. Ведь последнее есть не абстрактная, односторонняя форма, но живое и деятельное всеобщее, которому неведом панический страх перед противоречием, столь характерный для традиционного формализма. Напротив, противоречие необходимо здесь как источник жизни и развития, а уверенность в обращении с ним разумное мышление черпает в своей способности к его разрешению, состоящему в полагании глубокого единства противоположных начал. Формальная логика не может справиться с мышлением как движением и развитием: довлеющий над ней принцип непротиворечия запрещает ей вход в более высокую по отношению к ограниченному рассудочным определениям сферу.

Таким образом, покорное подчинение своим собственным установлениям приводит формальную логику к совершенно закономерному драматичному итогу: она не может выполнить свою формальную миссию: именно в формальном плане она оказывается наиболее ущербной. Ведь когда ее законы «вырывают из этой связи движения и беруг в отдельности, им недостает не содержания — ибо некоторое определенное содержание у них есть, — а, напротив, они лишаются формы, составляющей их сущность»⁹.

Возмущение мыслителя вызывает и тот факт, что в рамках старой логики формы мышления никогда не исследовались с точки зрения их истинности в себе и для себя. Наука, претендующая на логический статус, не имеет права, по его мнению, обойти эту проблему, тем более что данная истинность отнюдь не есть нечто само собой разумеющееся: на уровне суждения, например, она достаточно проблематична¹⁰. Формально-логическая точка зрения вообще весьма часто грешит непоследовательностью, неумением довести мысль до конца. Подобным образом обстоит дело и с ее фундаментальными законами. Философ показывает, что при последовательном их осмыслении эти законы выявляют текучую, диалектическую природу и в итоге с необходимостью переходят в сию противоположность, выступая в качестве моментов единого, целостного логического движения.

Следовательно, поскольку кризисное состояние обоих направлений обусловлено их отречением от идеи нераздельности противоположностей, от диалектико-спекулятивной методологии, то очевидно, что преодоление этого кризиса

возможно здесь лишь при условии ее усвоения. Однако обращение метафизики и логики к принципу абсолютного тождества противоположных начал, последовательное применение данного принципа с необходимостью влечет за собой снятие их собственной противоположности. В самом деле, помимо общности методологии у них выявляется в таком случае принципиальная общность предмета исследования, ибо бытие при его спекулятивном рассмотрении совпадает с мышлением, а мышление — с бытием. (Поэтому совершенно иллюзорно представление о возможности создания спекулятивной метафизики и логики вне друг друга и рядом друг с другом: не объединившись в конкретную целостность, они не могут обрести диалектико-спекулятивный характер). В этой бесконечной точке совпадения мышления и бытия, субъекта и объекта, логики и метафизики и выступает, по убеждению Гегеля, в своем истинном облике философское знание, являющееся по его глубинной сути абсолютным, т. е. целостным и всесторонним знанием.

Анализируя совпадение логики и метафизики в составе философской науки, Гегель приходит к выводу, что она осуществляется на логической основе. Закономерность и справедливость такого вывода несомненна, если мышление понимать как бесконечную, абсолютную, богатую содержанием форму, как тот уровень, где всеобщее поглощается в адекватном его сокровенной природе виде. Наука, полагающая всеобщее как всеобщее, всеобщее как понятие, есть логика. Однако, хотя метафизика и утратила здесь свое имя, хотя не ей принадлежит здесь пальма первенства, она отнюдь не умерла. Напротив, она возродилась к новой жизни, преобразованная, обновленная, ибо пробил час постижения ее глубинной сути, состоящей в том, что ее предмет — объективная сторона мышления, неразрывно связанная с субъективной его стороной. Метафизика отрицается и вместе с тем сохраняется в рамках логики, она есть объективная логика, существующая в абсолютном единстве с логикой субъективной.

Как подчеркнута выше, не имея достаточно четкого представления о том, что означает нераздельность противоположных начал у Гегеля, можно столкнуться с серьезными трудностями в интерпретации его теории логико-метафизического характера философской науки. Проанализируем несколько подробнее характер этих трудностей. А поскольку в идее совпадения логики и метафизики четко и ясно проявились основные черты гегелевской трактовки принципа единства противоположностей, то при этом появляется прекрасная возможность рассмотреть их на конкретном примере. Прежде всего здесь необходимо напомнить о том, что данный принцип у Гегеля несет в себе как момент единства, так и различия противоположных начал, но идеального различия, неотделимого от их единства, и что, интерпретируя его творчество, ни в коем случае не следует абсолютизировать один из этих моментов.

Если не учитывать, например, идеальный, снятый характер различия, то абсолютное тождество превращается в примитивное, эклектичное соединение противоположностей. В аспекте совпадения логики и метафизики это означало бы, что два разнородных типа знания просто поставлены друг возле друга, что их противоположность сохранилась, лишь видоизменив свою форму. В действительности, нет ничего более противного духу гегелевской методологии, чем внешнее связывание различных моментов. Философ неоднократно протестовал против такого «синтеза» и постоянно подчеркивал, что на уровне абсолютного единства противоположности трансформируются, превращаются в идеальные моменты целостного процесса, и их различие имеет здесь смысл именно как различие моментов, как исчезающее различие. Таким образом, если противоположность логики и метафизики и имеет какое-либо значение на уровне абсолютного знания, то она, по Гегелю, являет собой исчезающую, снятую противоположность. Процесс снятия — это целостное научное движение, каждый момент которого «соединяет в непосредственном единстве предметную форму истины и знающей самости»¹¹, соединяет объективное и субъективное, бытие и мышление, метафизический и логический аспекты.

Недоразумения могут возникнуть, если абсолютизировать момент тождества противоположных начал. В таком случае появляется соблазн упрекнуть Гегеля в nepозволительном смещении субъекта и объекта, понятия и реальности, логики и метафизики. В этой связи хотелось бы отметить справедливую и глубокую критику, которой подвергает подобного рода воззрения Э. В. Ильенков, доказывающий, что тождество субъекта и объекта у великого философа отнюдь не есть результат примитивного игнорирования их различия, а являет собой их фундаментальную нераздельность, необходимую в составе теории объективного мышления¹².

В самом деле, разве мог мыслитель, не устававший полемизировать против абстрактного характера истолкования идеи абсолютного тождества в творчестве Шеллинга, неоднократно указывавший, что в диалектико-спекулятивном единстве противоположностей момент различия столь же значим, как и момент идентичности, в данном конкретном случае проявить непростительную забывчивость относительно своего фундаментального принципа и упустить из виду

различность метафизического и логического аспектов философского знания? Однако следует помнить, о каком различии идет речь. В этом пункте мы вновь возвращаемся к великой гегелевской идее, к идее тотального процесса-синтеза, несущего в себе противоположность, но противоположность снятую, преодоленную, преобразованную.

Итак, концепция логико-метафизической природы философского знания разработана Гегелем в духе его диалектико-спекулятивной методологии. Диалектико-спекулятивный метод позволяет ему глубоко осознать и полно выразить текучий, живой, конкретный и целостный характер философской науки, и в этом — бесценный вклад мыслителя в дело интеллектуального развития человечества.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 137.

² Там же. С. 134.

³ Он же. Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 75.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. М., 1972. Т. 3. С. 30.

⁶ Он же. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 203.

⁷ См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 69.

⁸ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 134 и след.

⁹ Он же. Соч.: В 14 т. М., 1959. Т. 4. С. 161.

¹⁰ Он же. Наука логики. Т. 3. С. 29.

¹¹ Он же. Соч.: Т. 4. С. 432.

¹² См.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 129 и след.

Л. Ф. ЛУЦОК

ПОНЯТИЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

Широкое распространение системных идей — одна из характерных черт развития биологической науки в первой половине XX в. Проявлением этой тенденции в области экологии можно считать формирование понятий биогеоценоза и экосистемы, которые хотя и близки по своему содержанию, но имеют существенные различия в методологическом статусе. Понятие экосистемы в настоящее время вышло за рамки биологической экологии и широко используется в иных областях познания, в частности при исследовании проблем экологии человека, социальной экологии. В связи с этим появилась необходимость проведения содержательного анализа данного понятия и уяснения его методологического статуса.

Заметным этапом развития системных идей в биологии стали исследования функционирования и развития надорганизменных образований — биогеоценозов. Изучая закономерности развития лесных ассоциаций, В. И. Сукачев пришел к выводу, что в природе существуют не просто биоценозы, а системы, объединяющие органические сообщества с абиотическими условиями на определенной территории. Такого рода образования были названы экотопом. Единство же биоценоза, экологических условий и экотопа В. И. Сукачев предложил называть биогеоценозом. Биогеоценоз, по мысли этого исследователя, определяется как участок земной поверхности, «где на известном протяжении биоценоз и отвечающая ему часть атмосферы, литосферы, гидросферы и педосферы остаются однородными и имеющими однородный характер взаимодействия между ними и поэтому в совокупности образующими единый, внутренне взаимообусловленный комплекс»¹. Выделяя основные компоненты биогеоценоза, В. И. Сукачев отмечает наличие глубоких интегральных связей между ними, которые наделяют биогеоценоз качествами целостной системы.

Более широкий контекст изложения идей системного единства живой и неживой природы был представлен в исследованиях А. Тэнсли. В своей статье «Правильное и неправильное использование концепций и терминов в экологии растений» он обосновывает представление об экосистеме как целостном образовании, включающем организмы и весь комплекс физических факторов их местобитания, рассматривает экосистему как одну из категорий разнообразных физических систем, где нельзя «отделить их [организмы] от их специфической среды... Именно системы, образованные таким способом, являются основными природными единицами лика Земли... Эти экосистемы чрезвычайно разнообразны по типам и размерам»².

В размышлениях А. Тэнсли фиксируется универсальный характер понятия «экосистема» и его отличие от «биогеоценоза». Оно не ограничивает экологические исследования строгими рамками, что позволяет относить к экосистемным разнообразные по масштабам биотические сообщества с их средой обитания, охватывая все природные экологические образования разных уровней организа-